

УДК 882(09)

ТЕМА ПОКОЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА: МОТИВ «ВЫВИХНУТОСТИ»

© 2009 Н.В. Николаенко

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 11 июня 2009 года

Аннотация: Статья посвящена исследованию темы поколения и мотива «вывихнутости» в творчестве известного русского писателя XIX века И. С. Тургенева.

Поколение в творчестве И.С. Тургенева может быть рассмотрено в историческом аспекте и в родовом, с которым в творчестве писателя прежде всего и сопрягается мотив «вывихнутости». Тема поколения в творчестве И. С. Тургенева решается следующим образом: его герои являются представителями эпохального времени, с одной стороны, а с другой, — представителями рода. Особое внимание в произведениях писателя уделяется родословной Героев времени, в каждой из которых обнаруживается какое-то «повреждение». Такие тургеневские персонажи выпадают из жизни своей эпохи, но они же и придают ей смысл, становясь самыми яркими представителями своего поколения.

Ключевые слова: герой, мотив «вывихнутости», поколение, эпоха, род, родословная, семья, жизнь, смерть.

Abstract: The article deals with the investigation of the theme of generation and the motive of «dislocation» in the creation of the famous Russian writer of the 19th century I.S. Turgenev.

Generation in the creation of I.S. Turgenev can be presented in historical aspect and in ancestral aspect, which connected with the motive of «dislocation». Heroes in the creation of I.S. Turgenev are representatives of epochal time and are representatives of kin. Genealogy of heroes of time is very important, because in it we can find «damage». These Turgenev's characters can't live in their epoch, but they give sense to it and they are the most perfect representatives of generation.

Key words: hero, the motive of «dislocation», generation, epoch, kin, genealogy, family, life, death.

Обычно тему поколения в творчестве И.С. Тургенева рассматривают в историко-культурном и общественном планах, а его героев — как ключевых фигур той или иной эпохи. При этом привычной является следующая характеристика героя: Рудин — типичный представитель эпохи 40-х годов или Базаров — герой 60-х годов XIX века в России.

Однако поколение у И.С. Тургенева может быть рассмотрено не только в историческом аспекте, но и в родовом, с которым в творчестве писателя прежде всего и сопрягается мотив «вывихнутости».

В прямом значении вывих — это нарушение правильного устройства сустава. [3, 110]

«Вывихнутость» по отношению к поколениям — это нарушение связи поколений, связи с предками, последовательного построения рода.

Определение поколения, которое дано в словаре В.И. Даля: «Поколение — род, племя, колено; однокровные в восходящем и нисходящем порядке, с праотцами и потомками» [2, 239], указывает на то, что синонимом к слову поколение и однокровным с ним словом оказывается «колено», которое в прямом значении есть сустав [3, 282].

В других словарях значение слова «колено» представлено следующим образом: «Колено

© Николаенко Н.В., 2009

— разветвление рода, поколение в родословной». [3, 282; 4, 72]

Конечно, не случайно, что своих героев Тургенев наделяет такими родословными, в которых обнаруживается некое отклонение от нормы: какое-то нарушение или сдвиг, своеобразный вывих, который делает невозможным нормальный ход жизни (как правило, тургеневские герои не образуют семей и не оставляют после себя потомства) и неизбежно ведёт к смерти. Но в том-то и дело, что в том месте, где нарушается связь поколений, у Тургенева и появляется Герой как представитель эпохального времени.

В романе «Дворянское гнездо» Федор Иванович Лаврецкий в разговоре с Михалевичем сам характеризует свое состояние как «вывихнутое».

«— Положим, положим; я был тут орудием судьбы, — впрочем, что это я вру, — судьбы тут нету; старая привычка неточно выражаться. Но что ж это доказывает?

— Доказывает, что меня с детства вывихнули». [5, 75]

Родословная Лаврецких помогает понять причины «вывихнутости» Федора Ивановича Лаврецкого. Сочетание исконно русского, унаследованного от матери Маланьи Сергеевны, и «искусственного» воспитания отца-англомана нарушило равновесие в характере героя. Это чувствовал сам Лаврецкий и замечали другие люди.

«Лаврецкий сознавал, что он не свободен; он тайне чувствовал себя чудаком... Он не умел сходить с людьми: двадцати трех лет от роду, с неукротимой жаждой любви в пристыженном сердце, он еще ни одной женщине не смел взглянуть в глаза». [5, 43]

«Он им [студентам] казался каким-то мудреным педантом, они в нем не нуждались и не искали в нем, он избегал их». [5, 44]

Лиза Калитина, увидев его, подумала: «...какой он странный!». [5, 24]

В романе «Новь» Нежданов также говорит о своей «вывихнутости».

«Вся беда моя вот в чем. Маркелова, горят, мужики побили... Меня мужики не били, они даже пили со мною, пили мое здоровье... но душу они мою помяли, хуже чем бока у Маркелова. Я был рожден вывихнутым... хотел себя выправить, да еще хуже себя вывихнул». [6, 373]

«Вывихнутое» состояние героя обусловлено его наследственностью и его внутренним «устройством». Об этом Нежданов говорит в письме к своему другу Владимиру Силину: «О, как я проклинаю тогда эту нервность, чуткость, впечатлительность, брезгливость, все это наследие моего аристократического отца! Какое право он имел втолкнуть меня в жизнь, снабдив меня орга-

нами, которые несвойственны среде, в которой я должен вращаться? Создал птицу — да и пихнул ее в воду? Эстетика — да в грязь!». [6, 326]

Невозможность вписаться в окружающую действительность усиливает «вывихнутость» Нежданова. Он оказывается лишним, чужим в современном ему поколении и сам ощущает это.

Этот же герой в письме Силину дает подобную характеристику и состоянию Марианны Сипягиной.

«Что она [Марианна] несчастна, горда, самодлюбива, скрытна, а главное, несчастна — это для меня не подлежит сомнению... Да; очень она нервическое существо; это тоже по моей части. И вывихнута она так же, как я, хотя, вероятно, не одним и тем же манером». [6, 183]

Мотив «вывихнутости» проходит через весь роман и находит свое эмблематическое выражение в образе старой яблони с искривленными сучьями.

«Нежданов подошел к окну, посмотрел на садик... одна старая-престарая яблоня почему-то привлекла его особое внимание». [6, 305]

Под этой яблоней он и выбирает место для самоубийства.

«Зорко и подозрительно оглянулся Нежданов и пошел прямо к той старой яблоне, которая привлекла его внимание в самый день его приезда, когда он в первый раз выглянул из окна своей квартирки. Ствол этой яблони оброс сухим мохом; шероховатые, обнаженные сучья, с кое-где висевшими красновато-зелеными листьями, искривленно поднимались кверху, наподобие старческих, умоляющих, в локтях согбленных рук...

Тогда Нежданов, взглянув сквозь кривые сучья дерева, под которым он стоял, на низкое, серое, безучастно-слепое и мокрое небо... приложил к груди револьвер, дернул пружину курка...». [6, 375 — 376]

Неспособность вписаться в окружающую действительность, гнетущее одиночество, отсутствие веры в свое дело приводят Алексея Нежданова к смерти, в которой он, как и другие герои И. С. Тургенева, находит облегчение. В предсмертной записке Силину он так говорит об этом: «...знай, что мне теперь лучше. Возьми ты нашего бессмертного Пушкина и прочти в “Евгении Онегине” описание смерти Ленского. Помнишь: “Окна мелом забелены; хозяйки нет” и т. д. Вот и все». [6, 378]

В предсмертном письме Нежданова, адресованном на имя Соломина и Марианны, обнаруживаются наставления живым, схожие с размышлениями Лаврецкого в эпилоге романа «Дворянское гнездо».

Состояние «вывихнутости» отражается и на внешнем облике героя. То, как он говорит,

то, как он себя ведет, выглядит в глазах других странным и эксцентричным. Не случайно, что в портретном описании «вывихнутых» героев обнаруживается большое количество слов с отрицательной семантикой. Наиболее показательны это в отношении Рудина.

«Вошел человек лет тридцати пяти, высокого роста, несколько сутуловатый, курчавый, смуглый, с лицом *неправильным*, но выразительным и умным... Тонкий звук голоса Рудина *не соответствовал* его росту и его широкой груди». [9, 219]

О себе герой так говорит в письме к Наталье Алексеевне Ласунской: «...я останусь тем же *неоконченным* существом, каким был до сих пор...». [9, с.294]

Лежнев дает ему такую характеристику: «Он *не сделает* сам ничего именно потому, что в нем *натуры, крови нет...* Несчастье Рудина состоит в том, что он России *не знает...*» [9, 305]

В романе «Новь» эта «грамматическая» закономерность проявляется в фамилии главного героя – Нежданов. Князь Г. так объясняет это: «*Мой брат. Да; он мой брат. Побочный сын моего отца... зовут его Неждановым... Отец никак этого не ожидал – оттого он и Неждановым его прозвал*». [6, 149]

Тема поколения в родовом аспекте, конечно, оказывается значимой и в романе «Отцы и дети». Само заглавие уже указывает на это.

Знание жизни колен своей родословной для семейства Кирсановых оказывается чрезвычайно важным.

Аркадий хорошо знает историю своего дяди и рассказывает ее Базарову. Реакция Базарова такова:

«*Ага! родственное чувство заговорило, – спокойно промолвил Базаров. – Я заметил: оно очень упорно держится в людях*». [7, 122]

О связи поколений и об их «состыковке» в повторении одних и тех же ситуаций размышляет Николай Петрович Кирсанов.

«*Наследники, – повторил с унылым вздохом Николай Петрович. Однажды я с покойницей матушкой поссорился: она кричала, не хотела меня слушать... Я наконец сказал ей, что мы, мол, принадлежим к двум, различным поколениям. Вот теперь настала наша очередь, и наши наследники могут сказать нам: вы, мол, не нашего поколения...*». [7, 53]

О базаровских же предках почти ничего не известно.

То, что для Базарова память о предках отнюдь не пушкинская «животворящая святыня», становится понятным из его разговора с Аркадием.

«– *Кто он был, твой дед?*

– *Чёрт его знает. Секунд-майор какой-то.*

При Суворове служил и всё рассказывал о переходе через Альпы. Врал, должно быть». [7, 118]

Правда, в этом «чёрт его знает» нельзя не уловить и бравады, скрывающей, может быть, самое для Базарова болевое и сокровенное. О своей связи с земным и с землей Базаров говорит серьезно и с гордостью.

«*Мой дед землю пахал, – с надменной гордостью отвечал Базаров*». [7, 50]

Тем не менее, между Базаровым и его родителями – пропасть.

«... *Я вот лежу здесь под стогом... Узенькое местечко, которое занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет, и часть времени, которую мне удаётся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет... Я хотел сказать, что они вот, мои родители то есть, заняты и не беспокоятся о собственном ничтожестве, оно им не смердит... а я... я чувствую только скуку да злость*». [7, 119]

Связь поколений Кирсановых не прерывается. Следующее звено в этой цепи составляет семья Аркадия и Кати. Базаров сравнивает своего друга с птицей, которая вьёт гнездо.

«*Так ты задумал гнездо себе свить? А ты поскорее женись; да своим гнездом обзаведись...*». [7, 169]

Базарову же, в отличие от Аркадия, не дано обрести места в роде прежде всего потому, что ему – «вывихнутому» – не дано приладиться ни к современному времени, ни к жизни в целом.

«...*наделай детей побольше. Умницы они будут уже потому, что вовремя они родятся, не то что мы с тобой*». [7, 170]

***

Как-то А. Бем заметил, что И.С. Тургенев – самый грустный писатель в нашей литературе, что его жизнь и творчество – «подлинная трагедия, до сих пор не осознанная надлежащим образом». [1, 127]

Тургенев и сам много размышлял о трагизме жизни. В одном из писем о судьбе человека он говорит так: «*Мне недавно пришло в голову, что в судьбе почти каждого человека есть что-то трагическое, – только часто это трагическое закрыто от самого человека пошлой поверхностью жизни. Кто останавливается на поверхности, тот часто не подозревает, что он – герой трагедии... Например здесь: кругом всё мирные, тихие существования, а как приглядишься – трагическое виднеется в каждом. И притом все они осуждены на смерть. Какого ещё хочешь трагического?*». [8, 98]

Всем Героям романов И.С. Тургенева дано острое чувство исторического времени. Но, как это ни парадоксально, остроту этого ощущения

дает им их «вывихнутость», из этого времени их и изгоняющая. Такое трагическое несоответствие осуждает тургеневских героев и на то, чтобы быть яркими представителями и выразителями своего времени, и на то, чтобы, живя одинокими и «бездомными», преждевременно умереть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе / А.Л. Бем. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 448 с.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах / В.И. Даль. – М.: Рипол Классик, 2002. – Т. 3. – 544 с.

3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944с.

4. Словарь русского языка: В 4-х томах / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык; Полиграф-ресурсы, 1999. – Т. 2. – 736 с.

5. Тургенев И.С. Дворянское гнездо / И.С. Тургенев // Полн. собр. соч. и писем : В 30 т. – М.: Наука, 1987 – 1990. – Т.6. – С. 5-159.

6. Тургенев И.С. Новь / И.С. Тургенев // Полн. собр. соч. и писем : В 30 т. – М.: Наука, 1987 – 1990. – Т. 9. – С. 133-390.

7. Тургенев И.С. Отцы и дети / И.С. Тургенев // Полн. собр. соч. и писем : В 30 т. – М.: Наука, 1987 – 1990. – Т. 7. – С. 5-191.

8. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем : В 30 т. Письма : В 18 т. / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1987 – 1990. – Т. 4. – 748 с.

9. Тургенев И.С. Рудин / И.С. Тургенев // Полн. собр. соч. и писем : В 30 т. – М.: Наука, 1987 – 1990. – Т. 5. – С. 197-325.

*Николаенко Н.В.
Воронежский государственный педагогический университет.
Аспирант кафедры русской литературы, теории и методики преподавания литературы.
e-mail: nnatv@mail.ru*

*Nickolaenko N.V.
Voronezh State Pedagogical University.
Post-graduate student, chair of Russian Literature,
theory and methodic of teaching Literature.*